

и такъ не много вдохновенно творящихъ «Моцартовъ», что большинству авторовъ *духовно нечего сказать?*

За творчествомъ Метнера живетъ и дышетъ не только душа большого русскаго національнаго художника; за нимъ живетъ еще *особый способъ музыкальнаго и художественнаго созерцанія и творчества*, который можетъ и долженъ *создать школу*. И эта школа, это теченіе будутъ, поистинѣ, призваны къ тому, чтобы очистить и оздоровить атмосферу музыкальнаго модернизма.

И. А. Ильинъ.

1928. X. 4—16.

Menaggio.

„ОДИНЪ ВЪ ПОЛѢ НЕ ВОИНЪ“.

(Пословица).

«Одинъ въ полѣ и тотъ — воинъ».
Девизъ Виленскаго Военнаго Училища.

I.

Мысль давно уже не новая, но все еще звучащая для многихъ кощунствомъ: русскія пословицы отразили въ себѣ не только мудрость, но и лукавство, не только достоинства, но и пороки нашего народа.

Но, вправду, сдѣлайте нравственную оцѣнку такихъ пословицъ, какъ: «съ волками жить — по волчьи выть», «рыба ищетъ, гдѣ глубже. — человѣкъ ищетъ, гдѣ лучше», «нужда — стыда не знаетъ». «пропадай моя и честь, какъ нечего будетъ ѣсть», «грѣхъ воровать, да нельзя миновать», «не пойманъ — не воръ», «не обманешь — не продашь». «своя рубаха ближе къ тѣлу», «дѣло не медвѣдь — въ лѣсъ не уйдетъ», «кончилъ дѣло — гуляй смѣло», и т. д. Не ясны ли въ нихъ лукавыя, скверныя мысли, не являются ли онѣ оправданіями зла и не слышны ли въ нихъ подчасъ идеи безволія, непротивленства, понураго и безнадежнаго отказа отъ самосовершенствованія, — вмѣсто волевыхъ идей, которыя должна бы внушать народная мудрость? . .

И не вѣриѣ ли этихъ пословицъ, часто созвучныя имъ, но противорѣчащія имъ, истины, которыя въ отвѣтъ на дурные совѣты, сами собою напрашиваются: «среди волковъ будь человекомъ», «къ высокому и свѣтлому знай вѣрный путь». «идеаль недостижимъ, но есть къ нему дорога», «коли нечего ѣсть — береги свою честь», «дѣло, что медвѣдь — такъ къ лѣсу и тянетъ», «кончилъ дѣло — за новое смѣло» и такъ дальше и такъ дальше? . .

Но есть среди такихъ лукавыхъ пословицъ одна, которая опаснѣе многихъ другихъ, какъ оправдывающая самое страшное зло — безволие, какъ открывающая дорогу ужасному и безнадежному «съ волками жить — по волчьи выть», какъ *соблазняющая* своею ложью и смиренностью къ отказу отъ подвига и воли — во всемъ: и въ испытаніяхъ личнаго геройства, и въ проявленіяхъ гражданскаго мужества, и въ дѣяніяхъ государственнаго и общечеловѣческаго значенія. Та пословица: «одинъ въ полѣ — не воинъ».

Развѣ не соблазнительно оправдать при случаѣ этой пословицей свой отказъ отъ жертвы душой «за други своя», или свой позорный «вой по волчьи»? И развѣ не соблазнительно, завистливо или враждебно, развѣнчивать всякое геройство и подкрѣплять «народной мудростью» доказательства безсилія, безправія и даже неестественности одинокихъ воиновъ въ полѣ — вождей, противуполагая имъ силу, право и естественность «самодвижущихся» обществъ, незнающихъ иныхъ воиновъ, кромѣ ими самими выдвигаемыхъ для выполненія «созрѣвшихъ» въ обществѣ идей?

И развѣ, наконецъ, не соблазнительно даже и для самого, и самаго настоящаго, одинокаго воина въ полѣ, — въ минуту прославленія за совершенное дѣло отвѣтить, во имя скромности: «одинъ въ полѣ — не воинъ» и тѣмъ напомнить о своихъ сотрудикахъ, хотя бы и о тѣхъ, которые завѣдомо вставляли палки въ колеса во время работы или которыхъ надо было гнать палками въ дѣло?

Въ отвѣтъ на всѣ эти соблазны оправдывающей зло пословицы безволия — должна звучать непреклонной волевой идеей созвучная и противорѣчащая ей, достойная прописей истина: «одинъ въ полѣ — и тотъ воинъ».

Не будемъ безпощадны къ памятнику «народной мудрости» и не будемъ глухи къ оправданіямъ. — Пусть будетъ сказано что эта пословица дана для указанія линіи поведенія лишь самымъ зауряднымъ труженикамъ, а не какъ пропись для народныхъ вождей, и что для вождей припасены другія слова. — Пусть она даже хороша, когда звучитъ призывомъ къ общей работѣ и къ помощи вождямъ, или становится основой товарищества. — Она даже относительно вѣрна, красива, но и безконечно скорбна и печальна, если слышна иногда какъ крикъ отчаянія въ лебединой пѣснѣ недостигшаго цѣли героя. Но все же она есть полномѣрно злая ложь, когда ею прикрывается отказъ отъ простѣйшаго и страшнѣйшаго личнаго подвига, требующаго готовности «положить душу за други своя...»

На глазахъ охваченной состраданіемъ и скованной страхомъ передъ необходимымъ подвигомъ толпы, человѣкъ бросается съ моста въ ледоходъ и либо опасается несущагося на льдинѣ ребенка, либо съ нимъ погибаетъ.

Кто изъ бывшихъ только что въ оковахъ идеи безволія («одинъ въ полѣ — не воинъ»), не сознаётъ ея лживости; кто рѣшится громко произнести пословицу независимо отъ достиженія цѣли свершившимся подвигомъ? Кто бросить вслѣдъ утопающему или навстрѣчу выплывающему: «одинъ въ полѣ — не воинъ»!

Да цѣна подвига и не зависитъ — ни отъ гибели или случайнаго спасенія души героя, ни отъ достиженія или недостиженія имъ жертвенной цѣли: одинокій въ полѣ воинъ и *погибая остается воиномъ*, какъ перестаетъ быть воиномъ — раньше своего спасенія или даже случайной гибели тотъ, кто поддается идеѣ безволія. И даже самая безнадежность достиженія уснѣха или побѣды одинокимъ подвигомъ не можетъ остановить «одинокаго воина въ полѣ», его одинокаго шествія путями побѣды къ красотѣ, добродѣтели и правдѣ. Иначе, — мы не знали бы иныхъ героевъ личнаго подвига, кромѣ случайно сохранившихся въ «кѣмъ-то» воодушевленной и двинутой на подвигъ толпѣ. Не знали бы мы такихъ «одинокихъ воиновъ въ полѣ», какъ Георгій Побѣдоносецъ, вышедшій на бой съ дракономъ; или какъ Тезей, отправившійся уничтожить Минотавра; или такихъ, какъ нашъ Архипъ *Осиповъ* (1840 года) или сербъ Стеванъ *Синджеличъ* (1809 г.), принесшихъ себя въ жертву при взрывѣ пороховыхъ погребовъ для общей гибели во славу своего оружія; или какъ поднятый на штыки маіоръ *Горгаловъ*, давшій Скобелеву слово не уйти изъ редута. Не знали бы и ни одного изъ тѣхъ безчисленныхъ личныхъ подвиговъ, которые свершаются повсюду на войнѣ во исполненіе долга присяги, вездѣ и всюду требующей отъ воина «претерпѣнія до конца», — и тамъ, гдѣ всѣ пали духомъ, и тамъ, гдѣ всѣ покорились идеѣ безволія («одинъ въ полѣ — не воинъ»), и тамъ, гдѣ всѣ погибли, — обѣщая только за эту степенъ геройства — «спасеніе».

И еще большая ложь и зловредность сокрыта, быть можетъ, въ безвольной пословицѣ «одинъ въ полѣ — не воинъ», когда она оправдываетъ участіе въ *гражданскихъ* грѣхахъ, прикрываемыхъ пословицей «съ волками жить — по волчьи выть»: участіе въ нечестности, во взяточничествѣ, покровительствѣ близкимъ не по ихъ заслугамъ, въ мотовствѣ, развратѣ, клеветничествѣ, — во всѣхъ порокахъ общественной жизни...

«Онъ вѣчный обличитель лжи, запрятавшейся въ пословицу: «одинъ въ полѣ — не воинъ», — говоритъ Гончаровъ о Чацкомъ въ своемъ очеркѣ «Милліонъ терзаній», и видитъ въ Чацкомъ не представителя «лишнихъ людей», а «искренняго и горячаго дѣятеля» — одинокаго передового воина въ полѣ. «застрѣльщика» и неизбѣжную жертву. По Гончарову, «Чацкій неизбѣженъ при каждой смѣнѣ одного вѣка другимъ» и «начинаетъ новый вѣкъ». Увы, Гончаровъ близокъ къ истинѣ

если намекаетъ этими словами на появленіе такихъ одинокихъ воиновъ чуть ли не «разъ въ столѣтіе»; и онъ только не до-сказываетъ, что носителями «лжи» являются *Фамусовы и Молчалины*, наполняющіе общественность въ теченіе столѣтій.

Чацкій ничего не сдѣлалъ и бѣжалъ отъ «волковъ», унося съ собою лишь «милліонъ терзаній»; но онъ остался одино-кимъ «пылкимъ и отважнымъ» бойцомъ, отвергнувшимъ со-блазнительное покровительство пословицы безвольныхъ; онъ не измѣнилъ передъ «волками» своей волевой идеѣ.

Чацкій — частный случай, его миссія была лишь выйти одинокимъ воиномъ въ борьбѣ съ царившими въ Москвѣ поро-ками Екатерининскаго вѣка. Но кто бы, въ какіе вѣка, ни вы-ступилъ съ какою бы то ни было общественной миссіей, — онъ не можетъ быть миссіонеромъ и идти съ девизомъ: «одинъ въ полѣ — не воинъ». Девизъ всякаго миссіонерства: «одинъ въ полѣ — и тотъ воинъ», при полномъ сознаніи, что за служе-ніе этому девизу неизбѣжна расплата тѣмъ или инымъ «мил-ліономъ терзаній». —

Тема еще не исчерпана, она шире, чѣмъ это можетъ ка-заться.

Противопоставленіе пословицы и девиза неизбѣжно вызы-ваетъ — и въ раздумьи, и тѣмъ болѣе въ спорѣ, между сторон-никами той или другой изъ двухъ идей, — противопоставленіе значенія общества, значенію личности, и приближаетъ къ темѣ одного изъ основныхъ современныхъ споровъ, въ кото-рыхъ люди ищутъ опоры въ освѣщеніи историческихъ фактовъ для указанія вѣрныхъ путей государственности.

Личность ведетъ Общество или Общество создаетъ Лич-ность, выполняющую его волю?

Личность или Народъ направляетъ и творитъ исторію?

Имѣетъ ли Личность значеніе въ исторіи и въ жизни Обще-ства или нѣтъ? Какова роль и значеніе отдѣльной Личности въ жизни человѣчества? Можетъ ли Личность быть Одино-кимъ Борцомъ въ жизни?

Можетъ ли Одинокій быть Воиномъ въ полѣ?

Или правда, что Одинъ въ полѣ не воинъ?

А дальше, — указаніе тѣхъ или иныхъ «вѣрныхъ» путей: кому же править и кто можетъ править?

Сторонники идеи *пословицы* разрѣшаютъ всѣ эти вопросы однимъ отвѣтомъ: *Великій человекъ только выражаетъ идеи зарожденныя Обществомъ*. Отсюда все. Отсюда Геній — «на-зрѣвшая» производная даннаго Общества и эпохи; отсюда — Великіе становились Великими лишь тогда, когда народы бы-вали «готовы» къ ихъ воспріятію; отсюда — объясненія *подви-говъ* и *дѣлній* подготовленностью событій, самодвиженіемъ массъ, увлекающихъ Личность, а если угодно, то и случайно-

стями и счастьемъ или несчастьемъ; отсюда же — обратное: Личность — ничто, одинъ въ Полѣ не воинъ!

Но есть и возраженія.

Нѣтъ, Геній не есть производная ни своего Общества, ни своей эпохи; Геній опережаетъ вѣкъ и даруетъ современникамъ и потомкамъ новыя идеи и потому онъ такъ часто и погибаетъ подъ ударами современниковъ, и прославляется не ими, а потомками и иноплеменниками въ юбилейные сроки поминокъ его рожденія или смерти.— Въ чемъ же онъ былъ бы Геніемъ-Создателемъ новой эпохи въ той или иной сферѣ жизни. — если-бъ онъ лишь выявлялъ «назрѣвшія» идеи, а не поворачивалъ жизнь вопреки и наперекоръ идеямъ Общества и времени?

Нѣтъ, Геній не прикованъ къ эпохѣ, и Человѣкъ-Геній каждаго вѣка былъ бы Геніемъ и въ минувшихъ и въ грядущихъ вѣкахъ; но только въ иныхъ достиженіяхъ!

Если бы Великіе свершали свои подвиги и дѣянія только тогда, когда Народы «были готовы» къ ихъ воспринятію, — ихъ пути были бы всегда усыпаны розами. Или, можетъ быть, виноваты сами Геніи, сожженные на кострахъ и на Крестахъ распятыя, въ томъ, что они преждевременно произвели на свѣтъ идеи, которыя еще не дозрѣли въ Обществѣ? Но не абсурдны ли такія предпосылки? Такъ можно договориться до того, что каждый, кто погибъ за идею, — за то и погибъ, что шелъ противъ основной «здравой» мысли общественности: «одинъ въ въ полѣ — не воинъ».

Нѣтъ, и не инстинкты, и не разумъ массъ, и не случайности, и не счастье или несчастье рѣшали судьбы народовъ, а тѣ немногіе. — то избранники, то самозванцы, — которые водятъ массы за собой. — «Сегодня счастье, завтра счастье... надо же когда-нибудь и умѣніе», — говорилъ гениальный Суворовъ. Неужели же и тѣ Личности, передъ непостижимостью, величіемъ и превосходствомъ коихъ Человѣчество падало ницъ, находя одно объясненіе ихъ Существова въ ихъ божественности, — неужели и тѣ Личности были порожденіемъ «Общества» и не были одинокими Воинами въ Полѣ?!

Нѣтъ, жизнь творять не коллективы, а Творцы, — тѣ, кто восходятъ и надъ толпами, мятущимися или прозябающими съ воплемъ «одинъ въ полѣ — не воинъ», и надъ безталанными или боящимися силы и свѣта соблазнителями «Общества» скверными идеями.

Великій Петръ былъ «подготовленъ»?! Его реформы «назрѣли»? Онъ выявилъ лишь «скрытыя» идеи «общества»?.. А Стрѣльцы, а сторонники двора Евдокіи, а сынъ? — Да гдѣ же тогда «розы» на его путяхъ? И кто тогда, да и зачѣмъ же «Россію вздернулъ на дыбы» и «бросилъ ей вызовъ», на который она «отвѣтила Пушкинымъ?»

Ибо, если все было приутожено къ эпохѣ Петра, — то Великимъ сталъ бы и братъ его Іоаннъ, если бы ему было суждено остаться на Престолѣ? И сынъ его Алексѣй ничего бы измѣнилъ, если бы не его, а отца «извели» въ 1718 году?

Кутузовъ въ двѣнадцатомъ году, какъ и Наполеонъ, лишь «воображалъ», что водить армію, перемѣщаясь съ ними не то по волѣ «рока», не то по собственнымъ интуиціямъ народныхъ массъ? . .

Но не былъ ли онъ парадоксально Одинокимъ Воиномъ на Бородинскомъ полѣ, зная еще тамъ, что нельзя не почитать «Старушку» боемъ и зная, что всерьезъ, на жизнь и на смерть драться нельзя и что Москву, наперекоръ «Обществу» надо оставить для гибели Наполеона!?

Галилей, Колумбъ, Янъ Гусъ, Жанна д'Аркъ . . . Это они-то не одинокіе Воины въ Полѣ?

Кѣмъ былъ Христосъ въ пустынѣ? Гдѣ розы на Его путяхъ?

И не думалъ ли про себя тотъ, кто насмѣшливо диктовалъ или тотъ, кто послушно выписывалъ четыре буквы надъ Распятымъ, что «одинъ въ полѣ — не воинъ»? . .

Спустимся къ обыденному. Для насъ вопросъ, вытекающій изъ сопоставленія *пословицы* и *девиза*, сводится къ вопросу личной совѣсти: идти ли за толпой, вопреки голосу совѣсти и правды, или, хотя бы и одиноко, и не розами, а терніями, идти туда, куда зоветъ голосъ совѣсти и правды?

«Одинъ въ полѣ — и тотъ воинъ» — *девизъ* совершенствованія, смѣлости, самодѣятельности, воли, вѣры, прямоты и правды!

«Одинъ въ полѣ — не воинъ» — *пословица* оправданія общаго грѣха, общей бездѣятельности, стадности, боязни жизни, пословица укрывательства отъ страшной правды и убаюкиванія совѣсти.

Безвольные или страшящіеся чужой воли — противъ *девиза*. Онъ страшенъ и тѣмъ, которые хотятъ сами безответственно и тайно править Обществомъ, опасаясь воли и силы Личности. Напрасно! — *Истинная Личность выступитъ въ свое время и сдѣлаетъ то, что ей дано: поведетъ за собою «Общество».*

Каждое волевое и дѣйственное объединеніе должно быть составляемо изъ людей, исповѣдующихъ девизъ «одинъ въ полѣ — и тотъ воинъ», хотя бы даже и само объединеніе ставило своею основой Товарищескій призывъ: «одинъ въ полѣ — не воинъ», ибо только такимъ подборомъ обеспечивается «дѣйствіе до конца, до гибели послѣдняго борца; а значить и до дѣйствительной и полной потери надежды на успѣхъ. — До израсходованія послѣдней силы ни одинъ борецъ, даже и остав-

пійся одинокимъ, не имѣеть права на выходъ изъ строя, ибо торжество врага надъ преклонившимся знаменщикомъ полнѣе, нежели, надъ павшимъ. Знамя, не оскверненное сдачей, можетъ еще вѣять надъ новыми бойцами и воодушевить ихъ на возобновленіе борьбы; сдача же знамени, хотя бы и послѣднимъ воиномъ, губить идею.

Каждая «бѣлая» Армія — соединеніе одинокихъ воиновъ въ полѣ.

Каждая эмиграція, по природѣ своей, — соединеніе одинокихъ воиновъ въ полѣ.

Наше зарубежное горе въ томъ, что среди насъ имѣется примѣсь доли вѣчныхъ «бѣженцевъ», бессознательно исповѣдующихъ идею «одинъ въ полѣ — не воинъ»; и еще примѣсь людей *сознательно* отравляющихъ этой идеей наши ряды.

Будемъ отстаивать волевою идеею девиза: «одинъ въ полѣ — и тотъ воинъ»!

Б. Адамовичъ.

15 (28) октября 1928 г.
С. Товарникъ.

ИДЕЯ ПАПЫ ВЪ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

(Отрывокъ изъ лекцій о католичествѣ).

Какъ далеки мы еще, къ сожалѣнію, отъ объединенія съ католиками во многомъ важномъ и существенномъ въ строѣ жизни церковной... Наряду съ проявленіями горѣнія духовнаго въ святыхъ, наряду со многими проявленіями высоко-церковнаго, истинно - вселенскаго благочестія и въ массѣ вѣрующихъ, — какой однако въ католичествѣ нерѣдко матеріалистически-виѣшній подходъ къ глубинамъ, къ самому существу жизни церковной! И это не только на практикѣ; на практикѣ всѣ мы грѣшимъ; но — *въ принципахъ*, въ самыхъ *основахъ* римско - католической оффиціальной доктрины. Ибо многія изъ этихъ основъ католической оффиціальной доктрины носятъ на себѣ печать *законническаго* воспріятія благодати и самой сущности церкви.

Съ особой силой раскрывается это въ католическомъ ученіи о *папской власти*, этомъ основоположномъ камнѣ всего зданія римско-католическаго богословствованія, этомъ *центральномъ догматѣ Рима*, который отчетливо и опредѣленно отдѣляетъ Римъ отъ Православнаго вѣроученія.

Особое удареніе, особый паѳосъ вкладывается римскими богословами въ это ученіе о папской власти. Ибо, повторяю, это — *фундаментъ* всей римской системы, какъ таковой; это —